

25 КЛЮЧЕВЫХ КНИГ ПО ФИЛОСОФИИ

Мартин Хайдеггер (1889–1976)

Глава 4. Современная философия

«Бытие и время» (1927)

Реми Хесс пишет, что автор «Бытия и времени» является одним из тех философов XX века, вокруг которых было больше всего споров. Дело в том, что с 1933 года он примкнул к национал-социалистической партии. На долгое время Хайдеггер останется отправной точкой размышлений об ответственности и причастности философа к политике и к своему времени. Его жизнь до сих пор является предметом активных исследований и критики. Вначале вкратце представим его биографию, а затем ознакомимся с его «opus magnum» (т. е. великим произведением).

Мартин Хайдеггер родился в Мескирхе, в земле Баден (Германия), в католической семье, соблюдавшей религиозные обряды. Его отец, бондарь по основному роду занятий, был замечен в приходской церкви Сент-Мартин. С 1903 по 1909 год он получил среднее образование в Констанце и учился в лицее во Фрайбурге-на-Брисгау. Там же началось его университетское образование сначала в течение четырех семестров по теологии, от которой он позже отказался в пользу философии и других наук. В 1909 году Хайдеггер открывает для себя Гуссерля, до этого уже прочитав Ницше, Кьеркегора, Тракля и Дильтея. В 1913 году он защищает докторскую диссертацию, тему которой ему навеяло чтение Гуссерля. Освобожденный от воинской повинности в 1914 году по состоянию здоровья, в 1915-м он добивается признания своей правоспособности. После этого его назначают приват-доцентом.

Когда Гуссерля направили во Фрайбург-на-Брисгау, между ним и Хайдеггером завязываются дружеские отношения. После мобилизации в 1917 году Хайдеггер устраивается на метеорологическую службу. Свое обучение он возобновляет лишь в 1919 году. Хайдеггера назначают преподавателем в Марбург, где он работает с 1923 по 1927 год и затем становится преемником Гуссерля во Фрайбурге. В Марбурге он начинает писать свое сочинение «Бытие и время», которое заканчивает в 1926 году в хижине в горах. Эту хижину Хайдеггер построил своими руками в Тодтнауберге, что в Фор-Нуар.

Перед самым уходом Гуссерля на пенсию между философами завязалось короткое, но плодотворное сотрудничество. Гуссерль предлагает Хайдеггеру быть его преемником. Тот отдалется от него. В 1929 году Хайдеггер начинает дискуссию с Кассирером о Канте. Далее, начинается период жизни, вызывающий главные споры современников. В 1933 году Хайдеггера избирают ректором при явной поддержке нацистов, которые вынудили его предшественника уйти в отставку. 1 мая того же года Хайдеггер торжественно вступает в нацистскую партию и публикует несколько призывов и речей в пользу нового режима, хотя сам защищает идею независимости университета. В феврале 1934 года разногласия с органами партии приводят к отставке Хайдеггера с поста ректора. В предвоенный Период он публикуется мало. В основном читает Гёльдерлина, своего любимого поэта.

Отстраненный от должности преподавателя в 1945 году французскими оккупационными властями, Хайдеггер начинает путешествовать и организовывать конференции для узких кругов. После восстановления в должности в 1951 году он уже на следующий год становится выдающимся преподавателем. Хайдеггер продолжает разъезжать и принимать участие в многочисленных коллоквиумах и общественных мероприятиях. У него есть почитатели во всем мире. Умер Хайдеггер в своем родном городе как раз в тот год, когда вышел первый том полного собрания его сочинений, структуру которого он в свое время разработал сам.

«Бытие и время», опубликованное впервые в коллекции Гуссерля. «Ежегодник по философии и феноменологическим исследованиям», – трудное сочинение, – считает Реми Хесс. В своем резюме он хочет рассмотреть его «изнутри». В своем комментарии Хесс попытается поставить несколько актуальных вопросов.

Введение: Вопрос о смысле бытия

Отправной точкой мысли Хайдеггера является Дазайн. Хайдеггер говорит о «бытии бытующего», а не просто о бытии. «В той мере, в какой бытие означает бытие бытующего, именно бытующему направлен вопрос бытия». Что касается самого бытия, то оно заключается в том,

что оно есть здесь, в этом своеобразном бытии, которое является Дазайном. Данный Дазайн является тем, что философ должен ставить под вопрос тогда, когда тот как важное бытующее неизбежно представляется мысли как «бытие того бытующего, которое существует». Это и является предметом исследования Хайдеггера. Именно Дазайн (Da-Sein – здесь-бытие), являясь ключевым понятием для рассмотрения любого существенного онтологического вопроса, может обеспечить составление фундаментальной онтологии.

План и метод

То, что отличает Дазайн, что характеризует и определяет его суть, является его существованием. В своем бытии он изначально состоит из самого своего бытия и бытия любого бытующего. Итак, Хайдеггер ставит перед собой три задачи:

- 1) понять онтологический состав Дазайна и осмыслить смысл бытия, в который вписывается этот состав, показывая фундаментальные структуры его бытия и учитывая его определение как «быть-в-мире»;
- 2) показать, как Дазайн возникает в своем временном и историческом смысле;
- 3) наглядно продемонстрировать, что трансцендентальными рамками смысла бытия является время.

Надо сказать, что «Бытие и время» не сможет выполнить эти поставленные задачи. В свет вышла только первая часть той работы, которая была задумана. Таким образом, книга посвящается толкованию Дазайна в применении к временности.

Начальный проект делится на три раздела, причем опубликованы лишь первые два: «Аналитика Дазайна» и «Дазайн и временность». Третий раздел должен был быть посвящен той же проблеме, но поставленной наоборот и на исходном этапе работы, представленной во введении. Он назывался «Время и бытие».

Так как «Дазайн» сам является историей, то любая онтологическая философия должна пересмотреть историю развития онтологии, поставив себе целью абстрагироваться от имеющегося опыта и существующих предрассудков в данной теории познания.

«Греческая онтология и ее история, которые вплоть до сегодняшнего дня в форме многочисленных ответвлений и родственных учений определяют основные философские понятия, являются подтверждением того, что Дазайн понимается сам и понимает бытие в основном с точки зрения мира. Онтология, которая развивалась по этому пути, обесценивается, ибо традиция позволяет ей деградировать на старых основах и сводит ее до простого строительного материала, который необходимо заново переработать».

Надо понять, что мешало предшествующим философам разглядеть и осмыслить корень проблем, – пишет Хесс, – из всех, пожалуй, только Кант приблизился к пониманию вопроса, который поставил перед собой Хайдеггер.

Итак, Хайдеггер задает себе три понятия:

- 1) «феномен», форма бытующего, как оно предстает перед нами и видится;
- 2) «логос», определяемый Хайдеггером как «восприятие» бытующего. С его помощью на правду бытия проливается свет, появляется возможность увидеть ее;
- 3) «феноменология» как временное понятие. Она не является наукой о феноменах, это способ пролить свет на то, что есть. Этот способ должен поставить бытие после бытующего: «То, что постоянно остается в стороне или попадает в затмение, или появляется лишь в маске, не является тем или иным бытующим, а напротив, как показали предыдущие размышления, это бытие бытующего».

Таким образом, обращение к вопросу бытия ставит двойную задачу: составить фундаментальную онтологию Дазайна и феноменологически разрушить историю онтологии. «Бытие и время» решает первую задачу. А вторая, следовательно, остается нерешенной.

Первая часть: толкование Дазайна в отношении временности и объяснение времени как трансцендентальных рамок вопроса бытия

Первый раздел: Подготовительный фундаментальный анализ Дазайна

Глава I. Изложение задачи анализирования Дазайна

Предварительный анализ рассматривает прежде всего фундаментальные структуры Дазайна в его обычном повседневном существовании: «Бытующее, анализ которого мы должны сделать, является тем, чем мы сами являемся. Бытие этого бытующего всякий раз является моим. Именно в своем бытии это бытующее соотносится со своим бытием. Как бытующее этого бытия, ему предписывается быть. Речь идет именно о бытии для этого бытующего».

Дазайн в основном определяется «присущностью мне», фактом быть мной. Философия или антропология не интересуются таким способом осмысливания бытия. Они считают, что бытие человека – это скорее всего исходящее-от-себя в смысле быть-под-рукой других созданных вещей.

Глава II. Быть-в-мире как основное содержание «Дазайна»

Дазайн предстает как быть-в-мире: «Сложное выражение «быть-в-мире» уже само по себе указывает, что оно является единым феноменом. Эта первичная единица должна восприниматься в своей целостности», и далее: «Это потому, что «бытие-в-мире» принадлежит в основном Дазайну, и что его бытие по отношению к миру является в основном заботой, темой для размышлений». Таким образом, Дазайн обращен к знанию, наружу: «Сам Дазайн как «бытие-в-мире» является тем, кто знает».

Глава III. Окружение мира

«Мир» в онтологическом смысле не является определением бытующего, которым Дазайн не обязательно является. Это характер самого Дазайна. Дазайн находится рядом с предметами своих постоянных забот, а с Другими его бытие – это «быть-здесь» и «быть-вместе». «Окружение мира» относится к Дазайну как экзистенциальная характеристика, ибо мир не является абстрактным пространством или космосом, это, прежде всего, мир окружающий, окружающая среда.

• Окружение в общем смысле. Инструменты определяются своим практическим назначением («что-то для»). Мир построен как «система ссылок», где все имеет свое значение, и именно в этом мире разворачивается существование Дазайна в его ежедневных практических заботах. Когда я вижу молот, я задаю себе вопрос не о его «субстанции», а о его «применении» («предмет, который я могу использовать для того, чтобы... ковать»). «Признак представляется как универсальный связующий модус». Ибо «быть-в-мире» для Дазайна – это, прежде всего, означает отношение с внутримировым бытием около бытующего, которое находится под рукой и является предметом его забот. Еще одним объектом забот Дазайна являются Другие и он сам в смысле связи: назначение. Отношения вовлекают Дазайн в мир, и в силу этого являются его движущей силой, сплетением возможностей действия. Дазайн направлен не внутрь, а наружу.

• Мир по Декарту. Декарт выделяет «ego cogito» (я мыслю) и «res corporea» (сутью вещи). Следовательно, вещь, по Декарту, – это субстанция. Чистое знание, математика и физика позволяют познать вещь, мир. Так «мир» Декарта насильно получает свое бытие, «начиная с определенной идеи бытия, тайком вовлеченного в понятие субстанциальности, и с идеи познания, которое знает, то бытующее, бытие которого соответствует этой идее».

• Окружающий мир и пространственность Дазайна. Дазайн, как правило, предполагает удаление, это – бытующее, которое, будучи таковым, «позволяет бытующему встречаться где-то поблизости». И далее «Дазайн понимает свое «здесь», начиная со своего «там», со своего окружающего мира». Следовательно, он является размещением в пространстве, другими словами, способом приближать, определяя место.

Глава IV. Дазайн и кто-то

Дазайн никогда не является «самим собой», оторванным от других. Наоборот, «мир Дазайн – это общий мир». Существование Дазайн – это сосуществование. Он – это «быть-вместе». Следовательно, мир – это «мир-вместе», «Поэтому быть в одиночестве можно рассматривать как недостаточный модус «быть-вместе». Точно также, как Дазайн находится в связи с инструментами, он находится и в связи с заботой относительно других. Бытие бытующего – это бытие «для бытующего». Вначале возникает Einfühlung – это «быть-с-другими». Чтобы быть в состоянии воспринять других как множественность предметов, надо освободиться от этого отношения к другому: «Дабы быть в состоянии сосчитать многочисленные объекты, необходимо, чтобы они в первый раз воспринимались как существующие, а затем просто рассматривались как «образцы» и «последовательные номера» одного и того же типа».

«Кто-то» возникает тоща, когда Дазайн воспринимается как любой другой, без всяких различий. «Кто-то» не имеет ничего определенного. Это нивелирование многочисленных возможностей бытия. Он является модусом бытия зависимости и недостоверности. Безо всяких усилий Дазайн остается в этом «кто-то»: «Прежде всего Дазайн всегда является кем-то, и чаще всего он таковым и остается».

Глава V. «Быть-в...» как таковое

Дазайн – это «быть-в-мире». Быть здесь не имеет географического смысла. Это значит выйти на бытующее.

1. Экзистенциальная конституция понятия «здесь».

Дазайн должен быть здесь, что и имеет место при реализации его быть-брошенным в мир как его проект бытия. Такая неестественность Дазайна уже оказывается свойственной ему в то самое время, когда тот соизначально является существованием.

Существование сочленяется согласно следующим основополагающим понятиям:

- понимание;
- способность (источник возможностей);
- смысл («соизначальный как с ощущением ситуации, так и с пониманием»);
- эмоциональность;
- план;
- речь, артикуляция значимой структуры бытия-в-мире... «Любая речь – это речь-о...». Речь, уже согласованное понимание, составляющее «открытие» Дизайна, одновременно показывает его способ бытия в правде, без которой ни одно состояние мира не может ему открыться.

2. Ежедневное бытие понятия «здесь» и застой Дазайна. Будучи In-sein, Дазайн – это план, а отсюда – всегда впереди себя в своих возможностях бытия, оказываясь в состоянии уже-бытия брошенным в мир около внутримирового бытующего. Этот бросок является падением. Дазайн брошен в незащитный мир. Он пытается жить, но его мучает искушение впасть в недостоверность и застой повседневности. Болтовня заменяет речь, любопытство заменяет настоящее желание познавать, везде двусмысленности. «Недостоверность так расплывчато указывает на что-то, как больше не существующее в мире, которое она как раз составляет, свидетельствует о первостепенно существующем в мире, которое полностью им и забирается».

Глава VI. Забота как бытие Дазайна

Попадая под безраздельную власть кого-то, Дазайн во множественном и разнообразном единстве своего бытия, в своем отношении к миру, в своем бытии-в-мире, наделяется фундаментальной структурой заботы. Забота здесь означает не подавленность, хлопоты или тревоги, а давление, форму отношения с бытием в: «Совершенство человека или, другими словами, его способность стать тем, кем он может быть благодаря своей свободе неотчуждаемых возможностей (своему плану), является делом заботы». «Вопрос смысла бытия ставится лишь тогда, когда есть понимание бытия».

Именно в решении, к которому призывает сознание, открывая ему свои неизменно ограниченные возможности через бытие-в-ситуации, раскрывается Дазайну его истинная способность быть собой.

Второй раздел: Дазайн и временность

Дазайн, охваченный тревогой (основная окраска его существования), понимает, что, далеко не будучи хозяином своего бытия, он определяется небытием: «бытие-Дазайна, доведенное до конца в виде смерти, а с ней и все-бытие этого бытующего, сможет быть включено строго адекватным образом в выяснение его возможного „все-бытия“ только тогда, когда будет усвоено онтологически достаточное понятие, а именно понятие смерти».

Смерть – это основа бытия Дазайна. Однако онтологический смысл заботы – это временность. Поэтому на повестку дня выносятся рассмотрение отношения между Дазайном и временностью: «Если время составляет исходный смысл Дазайна и если, кроме того, оно относится к данному бытующему в его бытии самого этого бытия, то необходимо, чтобы забота являлась потребностью времени и, таким образом, учитывала его».

Глава I. Возможное «все-бытие» Дазайна и «бытие-ради-смерти»

«Как только Дазайн начинает существовать таким образом, что ему больше нечего ожидать, он сразу же автоматически переходит в разряд «больше-не-существующего-здесь». Как только уничтожается этот остаток бытия, так оно превращается в небытие. Пока Дазайн существует как бытующее, он не может достичь своего «итога». Но едва это ему удастся, как он сразу же теряет свое свойство «бытия-в-мире», и тогда, как бытующее, его уже невозможно будет выделить».

Ибо для Дазайна достичь своего итога в смерти означает одновременно потерять свое свойство «быть-здесь». Вопрос отношения Дазайна с временностью целиком уходит в определение Дазайна как заботы, «бытие-впереди-себя» которого охватывает, кроме прочего, его «способность-быть-всем», которая ведет к «бытию-ради-конца». В слове «умирают» есть одна лазейка: «Кто-то» дает право спрятать «бытие-к-смерти» в том, что ей наиболее свойственно; и у этого «кого-то» усиливается искушение скрыть ее от себя». «Бытие-ради-смерти», эта крайняя и непроверяемая способность Дазайна, является единственным, что в состоянии заставить его обрести достоверность своего бытия: «я умираю, следовательно, я существую». Смотреть смерти в лицо для Дазайна является шансом прожить себя как небытие.

Глава II. Свидетельство собственной способности бытия Дазайна и решение

Признать смерть – это значит поставить себя в противоположность «кому-то». Способность бытия, которая наиболее всего свойственна Дазайну, возникает, таким образом, из абсолютной невозможности бытия, что свидетельствует еще раз о том, что существование основано на надуманном.

Глава III. Способность бытия, свойственная лишь «Дазайну», и временность как онтологический смысл заботы

Время вызывает заботу. Дазайн существует, размещая себя во времени. Будучи впереди себя в мире, Дазайн предстает как «бытие-в-будущем», предвосхищение смерти: «предвосхищение открывает такую возможность (смерти), как возможность». Приходя в себя и решительно беря на себя «вину» своего «бытия-уже-рядом-с-миром», Дазайн может открыться себе. Временность делает возможным единство составляющих моментов заботы: существование, надуманность, застой. В своем «бытии-в-будущем» Дазайн возвращается к своему «бытию-в-прошлом»; и лишь в этом будущем «бытии-в-прошлом» Дазайн ожидает настоящее. Так «бытие-в-прошлом» ведет свое происхождение от будущего таким образом, что последнее дает появиться из себя настоящему. Таков исходный и неделимый феномен «экстатической» временности.

Глава IV. Временность и повседневность

Здесь рассматриваются отношения временности и понимания, эмоциональности, застоя, речи. Временность является той выталкивающей силой, благодаря которой бытие оказывается вне своих рамок. Далее Хайдеггер рассматривает временность повседневной заботы, преобразование этой заботы в научную деятельность и ее временное значение, проблему трансцендентности мира.

Глава V. Временность и последовательность в истории

Понять саму временность в ее исходной сути – вот к чему стремится Хайдеггер, описывая процесс размещения во времени, который также стыкуется с историчностью или последовательностью в истории в том, что Дазайн записывается в свою собственную историю в рамках судьбы, разделяя ее со своим поколением. Размещая время во времени, он тем самым строит исторический мир. Однако, как и в недостоверном существовании, он забывает начальное размещение времени во времени и впадает во вневременность, ту самую вневременность повседневной рутины, которую отражает понятие «вульгарный» линейного и бесконечного времени, тогда как достоверная исходная временность является выражением конечности существования.

Сочинение, трудное для понимания

В смысл изложения Хайдеггера не всегда легко вникнуть. Его речь функционирует как язык. Как только мы постигаем грамматику, нам становится легче понимать смысловое содержание. Но данное сочинение, пожалуй, больше чем любое другое, требует, чтобы над ним упорно поработали.

Трудности перевода

Бытие и время вызвало массу проблем у французских переводчиков, которые брались за него. Лишь в 1964 году появилась первая версия частичного перевода. А все целиком оно было переведено и опубликовано Эммануэль Мартино лишь в 1985 году. Единственный официальный перевод Франсуа Везена, выпущенный издательством Галлимар в 1986 году, оспаривается. Поэтому понятны трудности учеников выпускных классов и даже студентов, впервые садящихся работать над этим сочинением. Мы довольно часто приводили термины

на немецком языке, чтобы дать возможность нашим германоязычным читателям выделить на родном языке Хайдеггера понятия, которые он использует.

Гуссерль и Хайдеггер

Форму, выбранную для «Бытия и времени», в свое время отверг Гуссерль, знакомясь с его черновиком в 1926 году. По-настоящему он прочитал Бытие и время лишь в 1930 году, в то время, когда отдалился от Хайдеггера. В январе 1931 года он пишет Александру Пфендеру, что только что основательно изучил произведение Хайдеггера: «Я пришел к прискорбному выводу, что в философском плане я не имею никакого отношения к глубине анализа Хайдеггера, к этой гениальной ненаучности; что его открытая и прямая критика основывается на грубом недоразумении, что он сейчас разрабатывает системную философию, похожую на те, невозможность существования которых я считал своим долгом отстаивать всю жизнь. Все философы, кроме меня, это уже давно поняли. Я не скрывал своих выводов от Хайдеггера и не выношу никаких суждений относительно его личности. Она стала непонятной». Существует, таким образом, эпистемиологическое сокращение, выделенное Гуссерлем. Его ученик где-то в другом месте. Их совместное продвижение закончилось. Тем не менее, и тот, и другой ссылаются на понятие феноменологии и существования, чтобы обосновать свою мысль.

Сартр и Хайдеггер

Сартр – один из первых во Франции, кто читал Хайдеггера. Эта книга побудила его к написанию «Бытия и ничто», в котором он уходит от сущности и философии бытия. Изучение Хайдеггера, предпринятое им в 1939–1940 годах, наталкивает его на размышления об историчности, которую он и обнаруживает во время войны. «Сартр согласен с той мыслью, что человек место-расположен и что сознание может отвечать за это положение, выделяя себя в нем даже тогда, когда оно ему навязано. Он приемлет также понятие «достоверности» Хайдеггера», пишет Хесс.

Но точкой основного разногласия между Сартром и Хайдеггером является «бытие-ради-смерти». По мнению Сартра, эта форма проявления бытия не свойственна человеческому существованию и человеческой реальности. Законченность, как мое тело, дается в виде факта. Человек не может согласиться с законченностью, так как смерть «не воспринимается» сознанием, ибо выходит за рамки человеческого времени. Я не могу думать о своей собственной смерти, потому что мое сознание не будет существовать, когда я умру. Сознание – это то, что позволяет думать о существовании. С наступлением смерти я перестаю существовать. Таким образом, смерть находится вне сознания, ибо последнее может развиваться лишь во времени, а смерть означает его конец. Мы видим, как этот аргумент делает проблематичным все умозаключения Хайдеггера, ибо для него мое сознание моей смерти является основой любого достоверного сознания.

Политика Хайдеггера

По мнению Хесса, после работ Хуго Отта и самых последних исследований Жана-Пьера Фе нельзя не задать себе вопрос о связи между «Бытием и временем» и нацистским обязательством Хайдеггера. Хуго Отт, например, спрашивает себя, есть ли какая-то связь между философиями Хайдеггера и Третьего рейха. Видел ли тот в последней осуществление своей философии?

Сегодня любой может принять участие в этой дискуссии. На страницах своей книги Хесс не считает возможным раскрывать указанную тему. Поэтому отправляет заинтересованного читателя к сочинению Хуго Отта, которое приводит широкий документальный материал по этому вопросу.